

Л.М. Хачатрян

Принципы морфологической омонимии в индоевропейских языках (на материале древнеармянского языка)

Явления морфологической полисемии и омонимии рассматривались многими учеными начиная с античных времен. Определены условия функционирования слов одной части речи в роли слов другой части речи, установлены границы такого употребления, однако до сих пор нет ответа на вопрос, благодаря каким причинам слово приобретает новые морфологические значения и каким образом морфологическая полисемия переходит в омонимию. Автором рассмотрен материал древнеармянского языка (с использованием примеров из текстов V века) и описаны принципы, которые стали причинами исследованного исторического переживания, что можно считать еще одним шагом в определении истоков морфологической омонимии в индоевропейских языках.

Ключевые слова: морфологический, полисемия, омонимия, история, древнеармянский язык.

The phenomena of morphological polysemy and homonymies have been considered by many scientists since antique times. Conditions of functioning of words of one part of speech in a role of words of other part of speech are defined, borders of such use are established, however till now there is no answer to a question, thanks to those reasons the word gets new morphological values and how morphological polysemy passes in a homonymy. The author considers a material of old-Armenian language (with use of examples from texts of V century) and the principles are described, which is a reason for the investigated historical experience, and it is possible to consider as one more step to definition of sources of a morphological homonymy in Indo-European languages.

Keywords: morphological, a polysemy, a homonymy, history, Old-Armenian language.

DOI 10.20339/PhS.5-18.009

Морфологическая (частеречная) омонимия — явление, при котором расщепленные грамматические значения слова одной части речи составляют гомогенные омонимы. Иное дело при гетерогенных омонимах, при которых наблюдается формальное совпадение слов разных частей речи. Последние рассматриваются на уровне лексиксы.

Предмет нашего исследования — морфологические гомогенные омонимы. Они имеются во всех индоевропейских языках и какой-либо теоретической проблемы в их толковании или определении нет. Однако до сих пор остаются неясными причины, способствующие возникновению такой омонимии, и попытки заглянуть в глубь истории языка — первое условие решения такой задачи.

Как правило, рассматриваемая омонимия объясняется употреблением слова одной части речи в функции другой, что приводит к дифференциации его употреблений вплоть до формирования омонимов. Так, русское слово *что* может функционировать в значении местоимения, наречия, союза и частицы, *вечером* — в значении существительного и наречия. В.В. Виноградов называл такие слова гибридными грамматическими типами (*на ходу* — существительное и наречие, *решительно* — наречие и служебное слово и т.д.). Причиной таких преобразований он считал изменение синтаксической функции [3. С. 295]. По А.И. Смирницкому, такие слова имеют внутреннюю взаимосвязь и семантическую мотивацию [9. С. 80–84]. М.Ю. Блох считал рассматриваемое явление результатом частичной конверсии [14. С. 224]. По В.Л. Чейфу, подобные слова в английском являются следствием словообразования с нулевым аффиксом *gain* (дождь) — *rain* (идти дождем), *snow* (снег) — *snow* (идти снегом) и др. [15. С. 143, 165]. Аналогичные точки зрения по этому поводу высказывались В. Шмидтом [16. С. 127–128], В. Юнгом [17. С. 303] и Г. Джаукяном [5. С. 527; 6. С. 204–222] и др.

В то же время до сих пор нет основательного исследования причин такой функциональной полисемии, которое было бы основано на достаточном языковом материале и потому было бы

убедительно. В связи с этим нами предпринята попытка исследования этого явления в древнеармянском языке.

Древнеармянский язык, письменно зафиксированный еще в начале V века, был предметом изучения не только армянских ученых мужей. Еще Дионисий Фракийский и его армянские толкователи отмечали, что некоторые слова совмещают несколько частеречных значений, например, в армянском (в древнеармянском) ըստ (по), զկիր (после), յետ (вместе) (наречие и предлог), լիսիս (про), յապարկ (за) (союз и предлог), ոչ (не) (наречие и союз), причем прямой параллели между подобными омонимами — эквивалентами разных языков нет [2. С. 30–37, 275]. Если *что* в русском выступает в функции четырех частей речи, то армянское ինչ только в значении двух частей речи, что свидетельствует о том, что семантика конкретного слова какой-либо роли в указанном переживании не играет, хотя именно изменение семантики и приводит к омонимии.

Причины рассматриваемого явления в основном ограничиваются двумя интерпретациями. Первое. В диахроническом срезе языка содержательная сторона его знака может претерпевать различные изменения, которые могут привести к изменению его частеречного значения. В таком процессе новое морфологическое значение существует наряду с первичным как производное. Оно может иметь такую же частотность, что и основное значение. Например, в древнеармянском յետ — ‘назад’ (наречие) и ‘вместе’ (предлог). Согласно второй версии, источник частеречных переходов восходит к дописьменному периоду развития языка, к периоду так называемого синкретизма [11. С. 32–33], когда одна и та же грамматическая форма служила для выражения больше одного грамматического значения: двух (двухвалентные) и трех (трехвалентные) [5. С. 525–526; 13. С. 5–10], иначе говоря, такое употребление — исходное и никаким изменениям не подвергалось.

Проведенные нами исследования показывают, что в древнеармянском языке (далее нами рассматриваются дошедшие до нас памятники начиная с V века) полнозначные слова совмещают следующие частеречные значения: существительное — прилагательное, прилагательное — наречие, местоимение — наречие.

Примеров употребления существительных в качестве прилагательных немного. Это в основном корневые слова: հուր ‘огонь, огненный’, րիւր ‘доброе, добрый’, գինւր ‘драгоценный камень, драгоценный’, ծարս ‘жажда, жаждущий’, սուր ‘темнота, темный’, չար ‘зло, злой’ и др. Например: Ջիւր ըն արարիցեմք զհուր — Почему нам чтить *огонь*? (Езн., 15), сущ.; Լա հուր հէր ունէր — У него были *огненные* кудри (Хор., 240), прил. Следует обратить внимание, что слова эти в значении прилагательного выражают сравнение: *огненный* = как огонь, *добрый* = как приносящий доброе, *драгоценный* = как драгоценный камень и т.д. Однако прямых соответствий типа «существительное — название признака» и др. нет, почему и, видимо, употребление существительных в качестве определений в армянском не нашло большого распространения (ср.: в английском такое употребление является нормой: city part).

 ункционирование прилагательных в значении существительных имеет те же основания, что и во всех индоевропейских языках: это переосмысление частеречного значения (կուր – կուրը: ‘слепой – слепец’) и эллипсис (վաճառական մարդ – վաճառական: ‘торгующий человек – торговец’) с опущенным существительным. Первоначально это не названия признаков, как можно было бы предположить, а названия лица, обладающего соответствующим признаком [5. С. 526–527]. В древнеармянском такие прилагательные могут быть простые, аффиксальные и сложные, что свидетельствует о том, что состав слова в данном случае никакой роли не играл: ավագ ‘старшина, старший’, րիւսով ‘множество, много’, գոլ ‘вор, воровской’, ծեր ‘старик, старый’, կուր ‘слепец, слепой’, հարուստ ‘богач, богатый’, ցտանի ‘молодой человек, молодой’, սուր ‘святой’, օտար ‘чужак, чужой’, րիւսուր ‘устный’, ‘речь’, գորական ‘воинский’, ‘воин’, թշուսական ‘отверженный’, լեռնական ‘горный’, ‘горец’, կենդանի ‘живой’, ‘животное’, հետևակ ‘пешеходный’, ‘пехота’, յանցուր ‘виновный’, ‘виновник’, վաճառական ‘торговый’, ‘торговец’, վանական ‘монашеский’,

‘монах’, գրագետ ‘грамотен’, ‘грамотный’, երագագետ ‘толкователь снов’, մեծամեծ ‘знатный, родовитый’, ‘знать’, մեծառուն ‘родовитый’, ‘богач’. Ср.:

Այսքիկ ամենբեան **աագ** տանուտեարք, հանդերձ աագ սեպոր — Они все *старшие* старосты (так в тексте. – Авт.) вместе со *старшими* сепухами (богатыми дворянами. – Авт.) (Парп., 72), прил.

Եւ զկողմանն աջոյ կարգէր **աագ**՝ զերանելին Մախագ — Для правой стороны блаженный Махас назначил *старших* (Парп., 45), сущ.

Կան եւ զամենայն քաղաքսն **լեռնականս** — Все *горные* города существуют (НГС, 1, 883), прил.

Միարանեալ ալանք **լեռնականօրն** ամենայնիւ — Аланы объединяются со всеми *горцами* (Хор., 47), сущ.

Աբրահամ էր **մեծառուն** — Авраам был *богатым* человеком (НГС, 2, 241), прил.

Անդ երանութիւն **մեծատանց** տայ — Там он дает блаженство *богатым* (Езн., 276), сущ.

Примеры показывают, что опущенным членом словосочетания «прилагательное + существительное» является слово «лицо», значение которого восстанавливается из контекста. Фактически прилагательные семантически напрямую соотносятся с существительными, называя признак лица, почему и до сих пор они воспринимаются «как прилагательные, функционирующие в роли существительных», что скорее можно назвать частеречной полисемией, а не омонимией. Омонимию можно констатировать в том, случае, если употребление в роли иной части речи становится нормативным. Ср. в современном армянском: խորհրդային գրող ‘советский писатель’.

Прилагательные и наречия в армянском языке в своем большинстве формально не различаются, поэтому восприятие признака как качества следует связывать с иным фактором, тем более что наречие при глаголе в другой интерпретации можно назвать «глагольным определением». Существенное значение имел здесь эллипсис (утрата существительного). Это явление иначе называется преобразованием словосочетания: *դիտարկ ձեռքով (զրգիւնով) նստել և դիտարկ նստել, դիտարկ* (букв.: *сидеть с пустыми руками, карманами > пусто сидеть*, что по-русски можно выразить так: *сидеть ничего не имея в руках, в кармане — сидеть ничего не имея*) [12. С. 80]. Эллипсис был «обоснован семантически». Ср.: բարձր ‘высокий, высоко’, գուր ‘напрасно, напрасный’, լաւ ‘хорошо, хороший’, լուր ‘молчаливый, молча’, ծանր ‘тяжело, тяжелый’, խաղաղ ‘мирно, мирный’, կարի ‘сильно, сильный’, շատ ‘многие, очень’, ձրի ‘бесплатный, бесплатно’, անլուրի ‘неумолкаемый, неумолчно’, անքանակ ‘неразрывный, неразрывно’, աններելի ‘непростительный, непростительно’, անփոխելի ‘незаменимый, незаменимо’, անորոշելի ‘неопределенно, неопределенный’, բարձրաձայն ‘громогласный, громогласно’, միասնակ ‘дружный, дружно’, միաձայն ‘единогласный, единогласно’, միաբերան ‘единогласный, единогласно’ и др. Лексическая семантика всех слов может быть связана как с существительным, так и с глаголом. Этот процесс — формального совпадения прилагательного и наречия — усилился после утраты склонения армянскими адъективами. Если еще и иметь в виду, что все указанные слова относятся к качественным прилагательным, то рассматриваемое историческое переживание следует связывать прежде всего с семантическим фактором. Ср.:

Զրի դեղօր բժշկեաց զմեզ — Вылечил нас *бесплатно* (букв. *бесплатным лекарством*) (НГС, 2, 161), прил.

Որպէս յինէն **ձրի** առէք, նոյնպէս և ինք **ձրի** տուք — Как взяли у меня *бесплатно*, так же *бесплатно* отдадите (там же), нареч.

Գովեստս անձառս և **անլուրիս** — Невероятные (букв.: *несказанные, которые трудно пере-сказать*) и *неумолчные* похвалы (НГС, 1, 158), прил.

Զեակիցոյ փառաւորներ **անլուրի** — И воздают *неумолчно* хвалу Богу (там же), нареч.

Եւ ասէ Յուդիթ **բարձրաձայն** բարբառով — Юдита говорит *громким* голосом (НГС, 1, 464), прил.

Սկսիւ ասէ **բարձրաձայն** — Начинает *громогласно* говорить (там же), нареч.

Так, *близко* принадлежит функциональному полю пространства, поэтому может употребляться как наречие, а *красно* называется цвет, поэтому и не может функционировать как наречие.

Можно предположить, что этот процесс похож на переход лексической полисемии в омонимию — не в результате удаления друг от друга значений (функций) данных слов, а в результате их противопоставления: прилагательное только при существительном, наречие — только при глаголе.

Наше предположение о семантической причине частеречной омонимии подтверждают омонимичные местоимения и наречия: их значения, относящиеся к семантическим полям времени и места, не дифференцированы. Первичность местоимений подтверждается тем, что в функции наречия выступают слова, формально совпадающие с частью их форм. Так, в древнеармянском языке функционировали в значении наречий места вопросительные, указательные и неопределенные местоимения только в винительном падеже. Наиболее употребительные из них следующие:

а) **вопросительные местоимения** — **յո՞ր** 'куда', **ո՞ր** 'где', **ուստի՞** 'откуда' и др. Ср.: Յաննն իւր տարարերէր, եթէ **յո՞ր** թափեցից գրասնութիւն թիւնից — Рассуждает, *где* вылить горький яд (Ез., 7); **Ո՞ր** արներ գաշտն կամ իւ — *Где* приносит жертву и чем? (Езн., 83); Յորժամ երկիր չէր և ոչ տունկը ինչ որ ի նմանէ, զբարսմունսն **ուստի՞** գտանէր ունէլ ի ձեռնի — Когда не было ни страны и ни сажень в нем, *откуда* в его руках мог взяться пучок прутьев (там же);

б) **указательные местоимения** — **այսր** 'здесь, сюда', **այդր** 'туда', **անդր** 'туда', **աստ** 'здесь', **անդ** 'там', **աստի** 'отсюда', **այտի** 'оттуда', **անտի** 'оттуда'. В древнеармянском они заменяют указательные местоимения այս 'этот', այդ 'тот', այն 'тот', выполняющая роль указательных артиклей, а в самостоятельном употреблении являются наречиями. Ср.: Ի ծառոյ **անտի** պտուղն իւր ճանաչի — Плод узнается по *тому* дереву (Езн., 121), мест.; Եւ **անտի** յայտ է, թէ չեն ի սիրօջ նիւթոյ — *Оттуда* становится ясно, что приготовлены не из одного и того же вещества (Езн., 34), нареч.; Առաջի **այդր** ամենակեցոյ նշանի երկիր պազանիցեր — *Пред* всеильным знаком твоим, там, преклоняться будет (Агат., 400), мест.; Յոսն կաց **այդի**, թող էս **այդր** բազմեցայց — Восстань *оттуда*, дай мне прилечь *там* (Буз., 220), нареч.

В классификации Э. Туманян это адвербиальные местоимения типа *այստ*, *ast* 'здесь', *այդր*, *այդ* 'туда', *անդ* 'там' и др. Местоименные члены -u-s, -դ-d-, -ն-n образуют особые формы указательных наречий, преимущественно локального характера, со значением 'здесь', 'сюда' (*այստ*, *ast*), 'сюда же' (*այսր*, *aysr*) [10. С. 278].

Указательные местоимения *այսր* 'сюда', *այդր* 'туда', *անդր* 'туда', *այստ* 'здесь', *անդ* 'там', *այստի* 'отсюда', *անտի* 'оттуда', *այտի* 'оттуда' уже в среднеармянском выступают только как наречия. Такое изменение морфологического значения объясняется частотностью употребления в адвербиальной функции.

Аналогичная ситуация была и с **неопределенными местоимениями** **ուրեր** 'где-либо', **ուստեր** 'откуда-либо'. Ср.: Յայտ է, թէ **ուրեր** ծածկի — Известно, что *где-то* прячется солнце (Езн., 149); Մի թէ կասկած ինչ **ուստեր** էր նմա — Неужто *откуда-то* обуяло его сомнение (Езн., 90).

Слово *յորժամ* 'когда' имело сначала значение неопределенного местоимения и уже в грабаре перешло в наречие, а затем в союз. Ср.: **Յորժամ** դարձցիս հեծեծեցես յայնժամ կեցցես — *Когда* повернешься назад и начнешь ахать, тогда станешь жить (Агат., 150), нареч.; Կարող է կենդանութիւն տալ մեզ, **յորժամ** և կափի — Может дать нам жизнь, *когда* пожелает (Агат., 34), союз. Ср. в русском функции слов *поэтому*, *оттого*, *затем*, *потом*, *вовсе*, *совсем*, *про себя* (читать), *то перво* (то первое) > *тошьро* > *теперь перво* — числ. (в диалектах) > *теперь* (наречие); *по ка места* (по какие места) > *покамест* > *пока* (наречие) [4. С. 374].

В ходе исторического развития языка знаменательные слова могут переходить в служебные. Ср. в русском предлоги *благодаря, вследствие, согласно* и др. Принято считать, что происходит это из-за абстрагирования семантики знаменательного слова. Так, например, в армянском языке наречия перешли в союзы, сохраняя семантическую связь с исходной лексемой.

В древнеармянском языке служебные слова совмещают морфологические значения *наречия и союза, наречия и предлога, предлога и союза*.

Слова իրր 'как бы, будто', իրրև 'как будто — как', Կամ 'затем, /если/ то' и др. выступали в значении наречия и союза. Ср.:

Հեռագոյն ի նմանէ իրր քառասուն սապարիսա զհիսիսով նման իրոյ քաղաքին շինեաց քաղաք — Подальше от него, *как бы* на сорок ристалищ севернее, поставил город, похожий на свой (Хор., 166), нареч.

Յորժամ չարիք որպէս հեղեղաւ ջնջեալ մարրին, իրր առ Նոյի... — В это время злодеяния очищаются, *будто* уносясь потоком, *как* во времена Ноя (Хор., 16), союз.

Ապա յանսպական կրօնս փոխեալ՝ զարմանալի երևեր — *Затем*, сменив на чистую веру, удивлял (Парп., 13), нареч.

Եւ եթէ ձեռք դատի աշխարհ՝ ապա ոչ էր արժանի ատենից — Если все будут судить так, как вы, *то* вы недостойны наказания (Парп., 22), союз.

Внимательное рассмотрение употреблений этих слов показывает, что в основе их значения общий гипероним или общая сема. Так, իրր, իրրև в обеих функциях выражает сравнение, Կամ — следование. И то и другое выражают отношение, что является основной функцией союзов и союзных слов. Этот процесс также аналогичен процессу перехода лексической полисемии в омонимию и дробится на этапы, как и любое историческое переживание [7. С. 34–59]. Переходя из знаменательных слов в служебные, некоторые наречия, отдаляясь от исходного значения, в соответствующих конструкциях могут выступать в роли как предлогов, так и союзов [8. С. 190; 1. С. 129].

В древнеармянском языке слова, совмещающие частеречные значения наречия и союза, имеют более ограниченное употребление, чем другие факты проявления омонимии. Это можно объяснить двумя обстоятельствами: либо частеречные сдвиги «наречие > союз» в дописьменный период развития армянского языка не привели к двухвалентности с выделением союзного значения, либо данные слова не были использованы в древнеармянских летописях.

В древнеармянском в функции наречия и предлога выступали следующие слова: առաջի 'впереди', արևմտեր 'при', զկնի 'после', ի միջի 'в', ի միջոյ 'с середины', ի վերայ 'на', ի ներքոյ 'вниз', արտաքս 'снаружи', յայնկոյս 'той стороны', յանդիման 'напротив', զհետ 'вместе'. Ср.:

Յաղաքս թէ հաւաստի լեալ պատերազմս Շամիրամայ ի Հնդիկս և զկնի մահ նորա ի Հայս — О том, что война Семирамиды в Индии действительно была и *затем* о ее смерти (Хор., 3), нареч.

Քրիստոս ասաց, որ կամի զալ առ իս, ուրացի զանձն իւր, և առցէ զԿառ, և եկեաց զկնի իմ — Сказал Христос, что все, кто пожелает явиться к нему, отступит от себя и возьмет крест, пусть следуют за ним (Езн., 310), предл.

Եւ ինքն առաջի և զայս հրոսակին զկնի իւր կարգեաց — И стал он *впереди* и остальную часть отряда расположил позади себя (Хор., 36), нареч.

Կշտամբել զհաւատացեալս յաղաքս մեղաց առաջի անհաւատիցն՝ ոչ հաւանիմ — Не согласен я, чтобы верующих за грехи их укорять *пред* неверующими (Парп., 22), предл.

Примеры свидетельствуют, что семантика знаменательного слова теряет «материальную содержательность», которая преобразуется в «отношение между понятиями или между материальными реалиями». Исходная семантика слова позволяет ему функционировать в новом значении,

и частотность такого употребления ведет к утрате связи между исходной и новой семантикой и восприятию нового значения, грамматического, как по значимости «равного» исходному.

В семантике древнеармянского предлога «материальная содержательность» выражена четче, чем у союзов, хотя и те и другие являются служебными словами. Так, բայց 'кроме' и 'но', մինչ 'до', քան 'чем', որպէս 'как' и др. параллельно выступали в морфологическом значении предлога и союза. Ср.:

Եւ ոչ որ ի նոցանէ ապրեցաւ, բայց Սպանդարաւ որդի Արշարի — Никто из них не спасся, кроме сына Аршавира Спандарата (Хор., 295), предл.

Դուք անսպառ լերուք յուրախութեան, բայց զայս բան կատարեցէք վաղվաղակի, գոր աւելքս — Вы не бросайте пир, но срочно совершите то, что скажу (Ег., 9–10), союз.

Թէ աստուած էր Որվիզն, յոչընչէ կարող էր առնել զլուսատրսն՝ որպէս զերկինս և զերկիր — Если б Вормизд был бог, он мог бы создать светила из ничего, как небо и земля (Езн., 142), предл.

Այն ի բարոյ արարչէ կարծիցի ոմանց, որպէս Յունացն հեթանոսաց — Некоторые считают, что это создано руками доброго творца, как (полагают) греки-язычники (Езн., 9), союз.

Факты армянского (и родственных) языков свидетельствуют о том, что знаменательные слова могут абстрагироваться от своего конкретного значения и превращаться в служебные, меняя при этом как значение, так и частеречную принадлежность, между тем служебные слова редко могут становиться знаменательными.

В дописьменном периоде развития армянского языка многие слова подвергались межчастеречному переходу и уже в древнеармянском совмещали несколько морфологических значений. Ср.: իմաստուն 'мудрый, мудрец, мудро', մխիթար 'утешный, утешение, утеха', սուտ 'ложь, ложный, лживо' и др., գաղտ 'тайный, тайно, тайна', հեռի 'даль, далеко, дальний', մօտ 'близко, близкий, близ' и др. Ср.:

Ի գուր իսկ ջանան իմաստունքն Յունաց զաստուածոյ ճանել — Зря стараются греческие мудрецы произносить речи о боге (Езн., 240), сущ.

Գիտեմ զի իբրև այլովի անենայնի յոյժ իմաստուն ես — Знаю, что ты *мудр* во всем (Ег., 32), прил.

Չայս գործ ոչ իմաստուն գործեցեր — Это дело ты совершил не *умно* (букв. мудро) (НГС, 1, 850), нареч.

Վասն զի գաղտ ուխտ իր թափառիրն Յունաց է — Поскольку его *тайный* договор с греческим царем (Парп., 12), прил.

Որ ոչ բարոյ գործ է գաղտ մտանել յայլոց տուն և նենգել նմա — Не дело доброго человека *тайно* войти в чужой дом и сделать им (жителям) зло (Езн., 265), нареч.

Գաղտ ի մորէն երթայր յեկեղեցին — *Тайно* от матери ходил в церковь (НГС, 1, 524), предл.

Զանցաւորդ գնեցիր, գոր և զայդ ևս ընդ մօտ ատուրս կորուսանելոց ես — Приобрел ты тленные вещи, некоторые в *ближайшие* дни должен потерять (НГС, 1, 310), прил.

Յորժամ մօտ հասանէ ի նմա՝ չնու ... — Когда он подошел *ближе*, налил... (Езн., 207), нареч.

Եւ ժողովեար այնուհետև մօտ առ զօրս Պարսից բանակէին — И всё-таки собираются *близ* войска персидского (Парп., 69), предл.

Заключение

Итак, обзор употребления слова в функции разных частей речи позволяет утверждать, что причиной частеречной полисемии является лексическая семантика слова, а дальнейший переход в омонимию обусловлен частотностью употребления, которая в свою очередь трансформирует

содержание лексемы, соотнося его значение с функцией, а поскольку функции были разные, происходил дальнейший разрыв между исходным значением и приобретаемым. По отдельным частям речи можно выделить следующие закономерности:

1) существительные семантически не соотносятся напрямую с прилагательными, поэтому их употребление в адъективной функции заканчивается на уровне морфологической полисемии и не переходит в омонимию (т.е. существительные остаются существительными, но употребляются всё реже и в значении прилагательного). Здесь морфологической омонимии не наблюдается;

2) прилагательные начинают функционировать в значении существительного, когда опущенным членом является слово со значением “лицо”, которое легко восстанавливается по контексту. Этот переход усиливается (морфологическая синонимия переходит в омонимию), когда прилагательные теряют собственное склонение и в новой функции начинают изменяться как существительные;

3) прилагательные ввиду трансмоделирования начинают употребляться в значении наречия, когда развитие языкового сознания начинает воспринимать признак и как качество, т.е. допускает его функционирование при глаголе. Однако не все прилагательные оказываются омонимиами: таковыми становятся только те, которые близки наречиям по семантике;

4) местоимение становится наречием, если, совпадая с ним формально (не изменяясь), выражает значение времени и места;

5) наречие переходит в предлог, если последний тоже выражает значения пространства, времени, качества, количества;

6) слово может быть предлогом и союзом, если в обеих функциях выражает аналогичное значение: противопоставления (րիցը), сопоставления (րիւի).

Иначе говоря, причины морфологической (частеречной) омонимии в древнеармянском заключаются в наличии у слова одной части речи семантических компонентов, общих с семантическими компонентами другой части речи, что на синтаксическом уровне позволяет ему приобретать новые функции, чем и намечается его синтаксическая полисемия, которая — с расширением его употребления в качестве иной части речи вплоть до полного охвата функционального поля последней — переходит в омонимию. В этом плане исследуемое явление в диахронии (по принципам развития) ничем не отличается от процесса перехода лексической полисемии в омонимию и должно рассматриваться в тех же правилах и категориях. Рассматриваемый процесс в плане причин развития ничем не отличается от аналогичных процессов в русском, английском или немецком [3; 14; 16].

Литература

1. Аветикян Г. Грамматика армянская. Венеция, 1815 (на арм. яз.).
2. Адонц Н. Дионисий Фракийский и армянские толкователи. Петроград, 1915.
3. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва: МГУ, 1972.
4. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Т. I. Москва: Учпедгиз, 1958.
5. Джаукян Г.Б. Основы теории современного армянского языка. Ереван, АН Арм. ССР, 1974 (на арм. яз.).
6. Джаукян Г.Б. История армянского языка: дописьменный период. Ереван, АН АрмССР, 1987 (на арм. яз.).
7. Мадоян В.В. Очерки по истории и теории русского субстантивного словоизменения. Москва, РАН, 2000. С. 130.

References

1. Avetikian G. Grammatika armyanskaia. Venetsia, 1815 (na arm. iaz.).
2. Adonts N. Dionisii Frakijskii i armyanskie tolkovateli. Petrograd, 1915.
3. Vinogradov V.V. Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove. Moskva: MGU, 1972.
4. Gvozdev A.N. Sovremennii russkii literaturnyi iazyk. T. I. Moskva: Uchpedgiz, 1958.
5. Dzhaukian G.B. Osnovy teorii sovremennogo armianskogo iazyka. Erevan, AN Arm. SSR, 1974 (na arm. iaz.).
6. Dzhaukian G.B. Istoriia armyanskogo iazyka: dopis'mennyi period. Erevan, AN ArmSSR, 1987 (na arm. iaz.).
7. Madoian V.V. Oчерki po istorii i teorii russkogo substantivnogo slovoizmeneniia. Moskva, RAN, 2000. S. 130.

8. Себастиа Мх. Грамматика древнеармянского языка Гайканского рода. Венеция, 1730 (на арм. яз.).
9. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. Москва, 1956.
10. Туманян Э. Древнеармянский язык. Москва: Наука, 1971.
11. Хачатрян Л.М. Сдвиги в морфологическом значении слов. Ереван, 1985 (на арм. яз.).
12. Хачатрян Л.М. Морфологическая полисемия в устойчивых словосочетаниях современного армянского языка. Ереван, 1996 (на арм. яз.).
13. Хачатрян Л.М. Толковый словарь древнеармянского языка. Морфологически полисемичные слова. Ереван, 2003 (на арм. яз.).
14. Bloch M.Yu. A Course in Theoretical English. Moscow, 1983.
15. Chafe W.L. Meaning and Structure of Language, the University of Chicago Press. Chicago & London, 1971.
16. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Volk und Wissen Volkseigener Verlag. Berlin, 1985.
17. Yung W. Grammatik der Deutschen Sprache. VEB Bibliographisches Institut. Leipzig, 1968.

Источники

- Агат. — *Агафангел*. История Армении. Тифлис, 1909.
 Буз. — *Павстос Бузанд*. История Армении. Тифлис, 1913.
 Езн. — *Езник*. Опровержение ересей. Венеция, 1826.
 Ег. — *Егшиш*. О Вартане и армянской войне. Ереван, 1957.
 Хор. — *Хоренский М.* История Армении. Тифлис, 1913.
 НГС — Новый Гайканский словарь, тт. 1–2. Венеция, 1836–1837.
 Парп. — *Парпетси Л.* История Армении. Тифлис, 1904.

8. Sebastatsi Mkh. Grammatika drevnearmianskogo iazyka Gaikanskogo roda. Venetsiia, 1730 (na arm. iaz.).
9. Smirnitskii A.I. Leksikologiya angliiskogo iazyka. Moskva, 1956.
10. Tumanian E. Drevnearmianskij iazyk. Moskva: Nauka, 1971.
11. Khachatryan L.M. Sdvigi v morfologicheskom znachenii slov. Erevan, 1985 (na arm. iaz.).
12. Khachatryan L.M. Morfologicheskaia polisemiia v ustoichivykh slovosochetaniikh sovremennogo armianskogo iazyka. Erevan, 1996 (na arm. iaz.).
13. Khachatryan L.M. Tolkovyi slovar' drevnearmianskogo iazyka. Morfologicheski polisemichnye slova. Erevan, 2003 (na arm. iaz.).
14. Bloch M.Yu. A Course in Theoretical English. Moscow, 1983.
15. Chafe W.L. Meaning and Structure of Language, the University of Chicago Press. Chicago & London, 1971.
16. Schmidt W. Deutsche Sprachkunde. Volk und Wissen Volkseigener Verlag. Berlin, 1985.
17. Yung W. Grammatik der Deutschen Sprache. VEB Bibliographisches Institut. Leipzig, 1968.

Sources

- Агат. — *Agafangel*. Istoriia Armenii. Tiflis, 1909.
 Buz. — *Pavstos Buzand*. Istoriia Armenii. Tiflis, 1913.
 Ezn. — *Ezник*. Oproverzhenie eresei. Venetsiia, 1826.
 Eg. — *Egish*. O Vartane i armianskoi voine. Erevan, 1957.
 Khor. — *Khorenatsi M.* Istoriia Armenii. Tiflis, 1913.
 NGS — *Novyi Gaikanskii slovar'*, tt. 1–2. Venetsiia, 1836–1837.
 Parp. — *Parpetsi L.* Istoriia Armenii. Tiflis, 1904.

Хачатрян Лалик Мнацаканович,
 доктор филологических наук, профессор
 Армянский государственный педагогический университет
 имени Х. Абовяна, Ереван

Khachatryan Lalik M.,
 Doctor of Philological sciences, professor
 Armenian State Pedagogical University n.a. Khachatur Abovyan, Erevan

e-mail lingualal51@mail.ru

